

Вечный огонь Победы

Лев КРИШТАПОВИЧ,
доктор философских наук,
профессор

Феномен Великой Отечественной войны, несмотря на ее отдаленность для нашего современника, нисколько не теряет своей социально-политической актуальности и исторической значимости. События той войны – не просто героическое прошлое наших народов в историческом календаре, а глубокое смысловое явление отечественной истории, укорененное в ментальных структурах белорусского и русского народов. Вечный огонь Великой Победы пронизывает своими лучами прошлое, настоящее и будущее. Это только на первый взгляд – военные события, а в своей глубинной сущности – аккумулярованное выражение всей отечественной истории.

– У каждого народа, – как справедливо отмечал Президент Беларуси Александр Лукашенко, – есть свои особенности, свои яркие черты, по которым его узнают в мире. Есть определенные ценности, достоинства и свершения, которые его делают тем, кто он есть. Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги ему надо поклониться? Это – победа над фашизмом. Мы вместе с русским народом и другими народами пострадали больше, чем кто-либо иной. Мы выстояли. Мы не только отстояли свою независимость, но мы спасли человечество от нацизма и коричневой чумы [1, с. 35].

Поэтому активное стремление всевозможных резонерствующих политиков-сифистов представить Великую Отечественную войну как нечто давно прошедшее и не имеющее большого значения для сегодняшнего времени есть не что иное, как попытка подмены отечественной истории чуждыми взглядами и концепциями. Их главная цель – лишить белорусов истори-

ческой памяти, являющейся неотъемлемой ментальной характеристикой, выражающей актуальность и значимость информации о прошлом в ее неразрывной связи с настоящим и будущим.

А теперь попробуем представить нашего современника, скажем, сорокалетнего «среднего» белоруса, размышляющего об исторических событиях. Какой ряд ассоциаций он может выстроить? В качестве кого увидеть себя в отечественной истории? Это смысловые вопросы нашего бытия. Ведь речь идет о традициях, об исторической связи времен, а следовательно – и о будущем. И не будет открытием сказать, что «средний» белорус вспомнит деда-красноармейца или деда-партизана, воевавшего с фашистами. В его памяти промелькнет, как его принимали в пионеры, как он служил в армии, учился в вузе или устроился на работу, создал семью.

В таких буднях каждого из нас и заключается наша белорусскость, наш образ жизни. Именно образ жизни обыкновенного человека, который и творил нашу белорусскую историю. И в этом плане ментальной разницы между белорусом нашего времени и, например, белорусом XVII века не существует. В глубинах нашего народного самосознания находится один и тот же тип белоруса – человека, кровно связанного со своей общерусской цивилизацией, со своими алтарями и очагами, со своей родной историей.

Вот почему Великая Отечественная война для нас явление социальное, народное, ментальное. Посмотрите: сегодня никого

ОБ АВТОРЕ

КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич.

Родился в 1949 году в д. Пекалин Смолевичского района Минской области.

В 1976 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета.

С 2008 года – заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, с 2014 года – начальник научно-исследовательского отдела БГУКИ.

Доктор философских наук (1998), профессор (2005).

Автор около 200 научных публикаций, в том числе 3 монографий.

Сфера научных интересов: социально-политические процессы в современном мире, вопросы национально-государственного развития Беларуси.

не удивляет, что в члены молодежных организаций принимают у Вечного огня. Здесь молодые пары, вступающие в брак, освящают свою будущую семейную жизнь. Вечный огонь – это не только память о прошлом, но и призыв к ныне живущим: помните о своих предках, оставайтесь верными своему единству с русским народом, любите свою родину. Незримая духовная нить вплетает судьбу каждого белоруса в единую историческую судьбу белорусского народа.

Противник совершенно иного сорта

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Используя вероломное нападение, немецко-фашистские войска захватили стратегическую инициативу и развернули стремительное наступление с массированным использованием танков и авиации. Красная армия вынуждена была отступить, ряд ее крупных боевых подразделений оказался в окружении.

Лживы утверждения тех псевдоисториков, которые тшятся доказать, что первые месяцы войны для гитлеровской армии были победным шествием, а для советских войск обернулись чуть ли не паническим бегством. В действительности уже в первые дни боев обнаружилась вся несостоятельность фашистских планов и расчетов на молниеносный разгром Красной армии, на непрочность советской социально-политической системы. Гитлер внушал фельдмаршалу фон Рундштедту: «Вам нужно только пнуть дверь – и все гнилое строение рухнет» [2, с. 48]. Но он сильно просчитался. Как отмечает английский историк А. Кларк, Гитлер, приняв решение о нападении на СССР и предвкушая быструю и легкую победу, «просмотрел один очень важный фактор в своей оценке потенциала русских. Теперь вермахт имел перед собой противника совершенно иного сорта, не похожего на мягонькие нации Запада» [2, с. 49].

Советские воины с непоколебимой стойкостью и самоотверженностью сражались с превосходящими силами врага, до последней возможности защищали родные города и села. Невиданное в истории человечества мужество и героизм наших войск под Минском, Борисовом, Полоцком, Оршей, Витебском, Могилевом, Гомелем, Смоленском и

на многих других участках фронта сорвали план «молниеносной» войны.

Причины провала гитлеровского «блицкрига» кроются именно в морально-психологическом и идейном превосходстве советских людей над фашистской идеологией агрессора. Прослеживается разительное отличие в реакции западноевропейцев на немецкое вторжение в их страны и жителей СССР на вероломное нападение фашистов на нашу землю. В частности, когда в мае 1940 года немцы вторглись во Францию и быстро преодолели так называемую неприступную линию Мажино, то все французское общество впало в проstration и морально капитулировало перед фашистами. Английский корреспондент Александр Верт, находившийся с 3 июля 1941 года в СССР, сравнил реакцию французского общества с настроениями советских людей. Он написал так: «Вся Франция была совершенно ошеломлена и ее быстро охватили пораженческие настроения. Миф о неприступности линии Мажино, которым все эти годы убаюкивали французский народ, вдруг рассыпался в прах» [3, с. 41]. В отношении СССР А. Верт дает совершенно иную оценку: «Страну охватил ужас, но к нему примешалось чувство национальной непокорности и опасение, что это будет долгая, упорная и отчаянная борьба... И все же, казалось, лишь очень немногие думали о возможности полного военного поражения и завоевания страны немцами» [3, с. 67–68].

Чувство национальной непокорности было главным в поведении советских людей. Попавший в плен к немцам генерал М.Н. Потапов на допросе 28 сентября 1941 года на вопрос о том, готов ли русский народ вести войну и в том случае, если обнаружит, что армия отступила до Урала, ответил: «Да, он будет оставаться в состоянии моральной обороны» [4, с. 23–24]. И даже сами немецкие солдаты, прошедшие победным маршем по многим странам Европы, в письмах родным признавали, что советские воины сражаются с такой стойкостью и самоотверженностью, как ни один их противник.

Великая, Отечественная, Священная

Советские люди в большинстве своем осознавали, что начавшаяся война с немец-

кими захватчиками – не просто традиционная война с агрессорами, а вселенская битва за человека, за Историю. Быть человечеству, гуманизму или все погрузится в хаос, окажется во власти тьмы и насилия? Вот какой вопрос стоял перед нашим народом в невиданной еще битве добра против зла, свободы против рабства, жизни против смерти. Осознание этого перерастало в непоколебимую решимость дать достойный отпор захватчикам и, невзирая ни на какие жертвы, трудности и лишения, разгромить и уничтожить фашистов.

О морально-психологическом настрое наших людей свидетельствует и такой известный факт. Во время исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича 9 августа 1942 года в осажденном Ленинграде в филармонии, несмотря на угрозу бомбежек и артобстрелов, были зажжены все люстры. Симфония транслировалась не только по радио, но и по громкоговорителям городской сети, чтобы ее слышали как жители блокадного города, так и осаждавшие Ленинград немецкие войска. По признанию одного из солдат вермахта, участвовавшего в блокаде Ленинграда и слышавшего исполнение симфонии в своем окопе, именно тогда он и его сослуживцы поняли, что проиграли войну.

Важно отметить, что вероломное нападение гитлеровцев на нашу Родину привело к резкой смене акцентов в мировом общественном мнении. Многие теперь демонстрировали горячие симпатии к советскому народу и Красной армии. «От имевших мировую известность писателей поступили приветствия: «С таким народом, как русский, возможен не только союз, но и дружба» (Герберт Уэллс); «Я на все сто процентов солидаризируюсь с Советским Союзом в его военном сопротивлении фашистской агрессии» (Эрнест Хемингуэй); «В союзе с обоими великими англо-саксонскими народами советский народ навсегда обезвредит нацистов» (Лион Фейхтвангер); «Ничто не имеет большего значения для либеральной и демократической Америки, чем успех России против Гитлера» (Теодор Драйзер)» [4, с. 24]. Даже ярый антисоветчик премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль в своем выступлении 22 июня 1941 года сделал великое историческое признание: «Дело каждого русского, сражающегося за свой

▲ Колонны бойцов идут на фронт

очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [5, с. 333].

Таким образом, мировое общественное мнение устами своих виднейших представителей заявляло, что советский народ ведет Великую войну с фашизмом за свободу не только своей родины, но и всего человечества.

Однако это была не только Великая война нашего народа против иноземных захватчиков, но и одновременно Отечественная война. В заявлении советского правительства, которое днем 22 июня 1941 года зачитывал по радио В.М. Молотов, отмечалось, что «в свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение... то же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу» [4, с. 23]. Так понятие «Отечественная война» прочно вошло в сознание людей. Это понимали и наиболее дальновидные интеллектуалы на Западе. Английский историк Б. Пэрс в беседе с А. Вертом сказал: «Я уже вижу, что это будет огромная отечественная война, более крупная и успешная, чем война 1812 года» [3, с. 67].

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских

захватчиков объединила даже людей с противоположными политическими и идеологическими взглядами. Многие белоэмигранты, до этого ненавидевшие советскую систему, теперь стали поддерживать СССР в борьбе с гитлеровской Германией. «Эти люди понимали, что Отечество, которое они по-прежнему продолжали любить, хотя и находились в изгнании, оказалось в смертельной опасности, и спасти его в тех условиях реально могла только Красная армия» [4, с. 27]. Достаточно указать, что дом генерала Деникина в Париже был штаб-квартирой советской военной разведки, о чем даже помыслить не могли геббельсовские пропагандисты. Выдающийся русский композитор С.В. Рахманинов давал концерты по всем Соединенным Штатам и пересылал деньги в СССР на помощь красноармейцам.

Говоря о Великой Отечественной войне, надо отметить и то, что это была и Священная война советского народа против фашистов. Священная война – значит спасительная, несшая спасение всему человечеству. Сотериологический характер Великой Отечественной войны выражается в том, что в общенародном порыве защиты Родины и Человечества объединились атеисты и верующие. Уже 22 июня 1941 года Местоблюститель Патриаршего престола Русской православной церкви митрополит Московский и Коломенский Сергей выступил с обращением к православным христианам, в котором говорилось: «В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснется нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу» [6, с. 84–85]. Митрополит Сергей говорит о священных границах нашей страны, которые отделяют и предохраняют добрых, человеколюбивых советских людей от фашистской нечисти.

Выдающийся немецкий писатель Томас Манн так охарактеризовал фашистский новый порядок: «Это не государство и не социальный порядок, это дьявольское злодейство. Война против него – это священная война человечества против самого дьявола» [7, с. 268]. И в этой священной войне всех людей доброй воли против врагов рода человеческого роль Советского Союза была определяющей.

Сила духа советских воинов

Образцовой школой патриотического и нравственного воспитания не только молодых людей, но и всего советского общества была Красная армия. Рейтинг красноармейца по степени почета и уважения в общественном сознании был несопоставимо выше, чем, например, в дореволюционные времена у солдат Русской императорской армии. Ведь солдата до революции, можно сказать, за последнего человека считали: в общественный сад (парк) ему вход запрещен, в трамваях ездить нельзя. Не исключались и телесные наказания «еще во время Первой мировой войны» [8, с. 147]. «Старики, многие из которых были в прошлом солдатами царской армии, с гордостью смотрели на своих одетых в красноармейскую форму детей и внуков и даже завидовали им» [9, с. 136–137].

Глубоко невежественные современные искажители истории, раболепно преклоняющиеся перед Западом, красноармейцев в годы Великой Отечественной войны изображают в виде неких недоразвитых субъектов и антисоциальных элементов, которые боятся и ненавидят Сталина и советскую власть и воюют с немцами только из-за своей глупости и из-под палки. Таким фальсификаторам никогда не понять силу духа советских воинов, способных на величайший героизм и самопожертвование во имя свободы своей Родины.

Знаменитый белорусский скульптор Валентин Занкович, один из авторов мемориального комплекса «Хатынь», в казематах Брестской крепости нашел потрясающую надпись, сделанную ее защитниками. Это лаконичные, но обжигающие душу слова: «Нас было пятеро. Мы умрем за Сталина». Вот она, настоящая правда о морально-психологической атмосфере советского общества во время Великой Отечественной войны.

Существенно отличалась ментальность наших красноармейцев и немецких солдат. Особенно показательна в этом плане Сталинградская битва. Отчеты военной цензуры и НКВД показывают, что лишь доля процента наших воинов были настроены негативно. Другое дело немцы. Известно, что последний самолет из Сталинграда вывез немецкую почту, когда армия Паулюса уже была разгромлена. На основе этих писем министерство пропаганды Геббельса собиралось выпустить сборник для поднятия морального духа армии и гражданского населения Германии, показать, «каковы наши герои». «Но настроение подавляющего большинства авторов было настолько упадническим, что эта затея провалилась. Даже двух процентов не набрали писем, которые бы соответствовали этой пропагандистской задаче» [10, с. 9].

Фельдмаршал Ф. Паулюс, уже находясь в плену, сказал советскому офицеру: «А я вот уже в плену прочитал «Как закалялась сталь» и подумал: если бы там отчетливо представляли себе, что в Красной армии немало таких Корчагиных, в наши расчеты были бы внесены существенные изменения».

Правда против мифов

9 мая 2015 года великое событие в нашем историческом календаре – 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками. Есть смысл остановиться на некоторых фальсификациях, связанных с военными событиями и в целом советским периодом отечественной истории.

Взять, скажем, попытку фальсификаторов заменить название Великая Отечественная война на Вторая мировая. Этим они хотят не только объявить США победителем в войне, но также поставить знак равенства между всеми участниками данной войны. По логике фальсификаторов, гитлеровцы, бандеровцы, прибалтийские националисты, власовцы, коллаборационисты в других странах ничем не отличаются от защитников Отечества. А поэтому всех надо примирить и забыть о фашизме. Фактически они предлагают забыть о той смертельной опасности, которая грозила нашей стране, всему миру и человечеству.

Или вот так называемая речь Сталина 5 мая 1941 года, которая фальсификатора-

ми используется в качестве свидетельства подготовки СССР к нападению на Германию. Что же было на самом деле? Точное название данного документа звучит следующим образом: «Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной армии 5 мая 1941 года». Этот документ был реконструирован по воспоминаниям участников встречи в двух вариантах – русском и немецком. Русский вариант содержал несколько фрагментов: основной текст и выступления в форме тостов. В частности, Сталин сказал: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий». «Не надо быть военным специалистом, – совершенно верно указывает Г.Д. Алексеева, – чтобы понять, что речь идет о стратегии во время войны – от обороны к «наступательным действиям», а не о двух типах войн, как это трактуют некоторые современные историки, в том числе Невежин и Сахаров...» [8, с. 124].

Фальсификация истории Великой Отечественной войны выражается и в том, что в объект изучения безосновательно включаются мнения писателей, журналистов как научные факты, которые на самом деле существуют вне предмета исторической науки, ее познавательных задач.

Так, 4 июня 1991 года в «Комсомольской правде» было опубликовано интервью А.И. Солженицына, которое он дал испанскому телевидению еще в 1976 году. В интервью, ссылаясь на «данные» профессора И. Курганова, А.И. Солженицын утверждал, что от внутренней войны советского режима против своего народа с 1917 по 1959 год страна потеряла 110 млн человек: 66 млн в результате Гражданской войны и последующей политики советской власти, а 44 млн – во время Второй мировой войны от пренебрежительного, неряшливого ее ведения. Интервью было опубликовано под названием «Размышления по поводу двух гражданских войн». Смысл этих размышлений сводился к тому, чтобы обелить преступления фашистов и франкистов в развязанной ими войне против республиканского правительства Испании в 1936–1939 годах под видом приведения гротескной фальсифицированной статистики якобы преступной политики советского руководства против своего на-

рода. Тем самым в умы испанцев в 1976 году и в сознание наших граждан в 1991 году внедрялась пагубная мысль, что социализм страшнее фашизма. Логика здесь была та же, что и у Геббельса: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят. Как правильно заметил российский историк В.Н. Земсков, все эти измышления А.И. Солженицына и других фальсификаторов «нельзя назвать иначе, как патологическим отклонением от магистрального направления в данной области исторической науки» [11, с. 117].

Одной из форм фальсификации отечественной истории является некритическое заимствование различных западных схем и моделей, которые либо не имеют к исторической науке отношения, либо сознательно искажают исторический процесс и его научное познание. Что, в частности, касается и так называемой концепции тоталитаризма, которую нынешние фальсификаторы положили в основу изучения отечественной истории XX века. Так, американский историк Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт: политика и история с 1917 года» констатировал: «Все советологические концепции, созданные вне подлинной истории, социологии, культуры и даже подлинной политики, получили наиболее полное воплощение в «тоталитарной модели» 1953–1956 годов» [8, с. 101]. Анализируя позиции авторов «тоталитарной школы», Коэн пришел к выводу, что они стали отождествлять сталинскую Россию с гитлеровской Германией, советский коммунизм с нацизмом и т.д.» [8, с. 102]. Вот откуда, оказывается, заимствовали сегодняшние фальсификаторы свои убогие мыслишки о тождестве Сталина с Гитлером, а СССР – с фашистской Германией. Из фашистской и западной реакционной историографии 1940–1960 годов.

На самом деле у фашизма и так называемых западных демократий гораздо больше сходства, а на почве антикоммунизма и антисоветизма они вообще выглядят как братья-близнецы. Как известно, фашизм зародился и вырос в недрах западной цивилизации. «Чтобы замаскировать этот факт и снять с Запада ответственность за фашизм, происходит массированное пропагандистское и идеологическое наступление с целью любым правдоподобным обоснованием свалить вину за фашизм на Советский Союз. С этой целью в ход пошли

понятия «тоталитаризм», «тоталитарный режим» с последующим отождествлением гитлеровской Германии и СССР» [4, с. 21]. Вот почему ставить на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз, вермахт и Красную армию – это не просто фальсификация, а моральное и политическое преступление перед человечеством.

Не секрет, что фальсификаторы, пытаясь дискредитировать великий подвиг наших народов в годы Великой Отечественной войны, внедряли в массовое сознание ложь о том, что якобы руководство СССР всех пленных воинов Красной армии записало в разряд предателей. Непосредственно Сталину приписывалось выражение – «у нас нет пленных, у нас есть предатели». На самом деле эта ложь была сочинена в писательско-публицистической среде в 1956 году на волне критики культа личности Сталина. Данная фальсификация до сих пор имеет широкое хождение в публицистике, кинофильмах, художественной литературе.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве СССР не фигурировало такое преступление, как «сдача в плен». В статье 193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР в перечне воинских преступлений было зафиксировано: «Сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» [4, с. 251]. Само собой разумеется, что понятия «сдача в плен» и «сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой» не тождественны. Поэтому не было знака равенства между «пленными» и «предателями». К предателям относились те, кто таковыми были на деле (полицаи, каратели, выпускники разведывательно-диверсионных школ, чиновники оккупационной администрации и т.п.), а к военнопленным такое определение в принципе не применялось.

И последнее, что необходимо отметить, говоря о фальсификации отечественной истории XX века. Общественному сознанию постсоветских стран усиленно навязывается извращенное представление о том, что в СССР большинство населения пострадало от репрессий и якобы боялось их. Важно сказать, что разоблачение данной фальшивки было сделано не только объективными отечественными историками, но и западными. В этом плане представляют интерес выводы американского историка Роберта Терстона, издавшего в 1996 году моногра-

фию «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941». «Система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных исследователей, тогда не существовала. Влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным, массового страха перед репрессиями в 1930-е годы в Советском Союзе не было. Репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа. Советское общество, скорее, поддерживало сталинский режим, чем боялось его. Большинству людей сталинская система обеспечивала возможность продвижения вверх и участие в общественной жизни» [12]. Не надо быть специалистом, чтобы не признать абсолютную правильность выводов Роберта Терстона.

Память о героях

В СССР царил дух новаторства, интеллектуального творческого порыва многомиллионных масс, готовности к ратным и трудовым подвигам, предрасположенности к массовому героизму и самопожертвованию. Важно иметь в виду, что наша страна была многонациональным государством, где реально осуществлялась политика равноправия и дружбы народов. Система союзных и автономных республик представляла собой гигантский цивилизационный скачок в решении национального вопроса – особенно на фоне существовавшей в царской России губернской системы, не допускавшей автономии национальных меньшинств. Внутри советской страны определяющими были отношения братства, широкого взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур. Не подлежит никакому сомнению, что советские люди разных национальностей реально ощущали себя живущими в настоящем государстве дружбы народов. В этом плане показателен Приказ народного комиссара обороны СССР от 23 февраля 1942 года. «Сила Красной армии, – говорится в приказе, – состоит, наконец, в том, что у нее нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу, что она воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов».

Разумеется, в советском обществе существовали и антисоветские настроения, кото-

рые являлись идейной основой коллаборационизма во время Великой Отечественной войны. Но не стоит преувеличивать их масштаб. В годы войны из 350 000 фашистских прислужников, действовавших на территории Беларуси, только 35 000 были местными уроженцами, из них около 20 000 попали в стан врага по принудительной мобилизации.

Очевидно, что сложившаяся в довоенные годы социально-политическая система в нашей стране в сознании многомиллионных масс народа прочно ассоциировалась с идеалами справедливости, дружбы, прогресса. Советская цивилизация расценивалась подавляющим большинством наших граждан как самая гуманная и справедливая на планете. Победа была достигнута силой духа, интеллекта, народной сплоченности, силой великой любви к Отчизне.

Уважение к отечественной истории, патриотизм, высокая нравственность, ответственность перед своими предками – это основа прочной государственности и общественного согласия. Чтобы двигаться вперед, необходимо постоянно обращаться к своим традициям и духовным истокам, хранить память о героях Великой Отечественной войны и верность тем высоким нравственным ориентирам, которые они нам завещали. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашенко, А.Г. Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 г. / А.Г. Лукашенко. – Минск: БГУ, 2003.
2. Кларк, А. План «Барбаросса»: Крушение Третьего рейха. 1941–1945 / А. Кларк; пер. с англ. – М., 2004.
3. Верт, А. Россия в войне 1941–1945 / А. Верт; авториз. пер. с англ. – М., 2001.
4. Земсков, В.Н. Народ и война: Страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938–1945 / В.Н. Земсков. – М., 2014.
5. Churchill, W. The Second World War / W. Churchill. – Vol. 3: The Grand Alliance. – London, 1951.
6. 1941 год: Страна в огне: в 2 кн. – Кн. 2: Документы и материалы. – М., 2011.
7. Лессер, Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933–1945 / Й. Лессер; пер. с англ. – М., 2010.
8. Алексеева, Г.Д., Манькин, А.В. Историческая наука в России XXI века / Г.Д. Алексеева, А.В. Манькин. – М., 2011.
9. История советского крестьянства: в 5 т. – Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. – М., 1987.
10. Сенявская, Е. Жизнь между атаками / Е. Сенявская // Российская газета. – 2010. – 4 мая.
11. Земсков, В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР / В.Н. Земсков // Политическое просвещение. – 2012. – № 1.
12. Thurston, R. Life and Terror in Stalin's Russia, 1934–1941 / R. Thurston. – London and New Haven: Yale University Press, 1996.